

Аблаева А.Т.

УДК 81-139:378

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ КРЫМСКИХ ТАТАР В РУССКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В рамках имагологической оппозиции своё - чужое охарактеризованы образы крымских татар в русской прозе начала XX века. Выявлены средства и способы их репрезентации в качестве феномена восточной природной экзотики. В целом в восприятии и изображении Крыма и его коренного населения авторами анализируемых произведений более актуализирован концепт чужое. Для большинства писателей и их героев второстепенные персонажи – крымские татары представлены в качестве элемента крымской природной экзотики. Исключение составляет сказка И. Шмелёва «Голос Зари», в которой ощущается особое расположение автора к своим героям.

Ключевые слова: крымский текст, крымские татары, имагология, система персонажей, А. Куприн, И. Бунин, В. Короленко, И. Шмелёв.

Анотация. В рамках имагологічної опозиції своє - чуже охарактеризовані образи кримських татар в російській прозі початку XX століття. Виявлено засоби та способи їх репрезентації в якості феномена східної природного екзотики. В цілому в сприйнятті і зображенні Криму та його корінного населення авторами аналізованих творів більш актуалізований концепт чуже. Для більшості письменників та їх героїв другорядні персонажі - кримські татари представлені в якості елемента кримської природної екзотики. Виняток становить казка І. Шмельова «Голос Зорі», в якій відчувається особливе відношення автора до своїх героїв.

Ключові слова: кримський текст, кримські татари, имагологія, система персонажів, А. Купрін, І. Бунін, В. Короленко, І. Шмельов.

Summary. Images of the Crimean Tatars in Russian prose of the 20th century are characterized within the imagological opposition "own" – "alien". The ways and means of their representation as a natural phenomenon of eastern exoticism have been identified. In general the authors of the analyzed works actualize the concept "alien" in perception of an image of the Crimea and its indigenous population. For most writers and their characters the secondary characters are Crimean Tatars who are presented as a part of the Crimean natural exotic. An exception is a literary fairy tale by I. Shmelev "The Voice of the Dawn" where a particular sympathy of the author to his characters is observed.

Shmelev's sympathy to Crimean Tatars and his desire to find similarities between two dominant religions in Crimea – Islam and Christianity – are explained by his interest in culture of local people, acquaintance and communication with Crimean Tatars.

Keywords: Crimean text, Crimean Tatars, imagology, system characters A. Kuprin, I. Bunin, V. Korolenko, I. Shmelev.

Большое количество произведений русской литературы, в которых отражены крымские образы и реалии, определило необходимость осмысления данного художественного феномена. Культуролог и литературный критик Александр Люсый в 2003 году ввёл в научный обиход термин *крымский текст* [10, 5], составленный им по формальной и содержательной аналогии с термином *петербургский текст*, предложенным в своё время В.Н. Топоровым. *Петербургский текст* толковался им как «синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели» и через который Петербург совершал «прорыв в сферу символического и провиденциального» [12, 23].

Люсый называет *крымский текст* южным полюсом петербургского литературного мифа. «Отраженная в литературе Петербургская мифология прямо или опосредовано оказалась одной из важнейших составляющих первичного языка *крымского текста* в процессе его рождения и генезиса» [10, 8].

Понятие *крымский текст* коррелирует с понятиями крымского мотива, образа Крыма, крымской темы и крымского мифа, но, «обогащённое» оппозицией с *петербургским текстом*, приобретает особую полноту и оригинальность.

Под *крымским текстом* в литературе понимается «семантически связанная с Крымом система представлений о человеке и мире, которая отражает неповторимость крымской земли, является её знаковой манифестацией и закреплена в произведениях писателя (писателей). Крымский текст формируется в определённый историко-культурный период под влиянием событий, мифологем и архетипов, специфических для Крыма» [9, 5].

Крымская тема в русской литературе берёт начало с «Корсунской легенды», повествующей о походе киевского князя Владимира на Херсонес. Крым также упоминается летописцем Нестором в «Повести временных лет». Романтический образ Крыму задала элегия «Таврида» (1815) К. Н. Батюшкова [10, 54–55].

Крым занимал важное место в жизни и творчестве таких писателей, как А. Грибоедов, А. Пушкин, Н. Гоголь, Н. Некрасов, Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький, А. Ахматова, М. Волошин, А. Грин и др. Однако крымские образы в произведениях писателей русской литературы изучены недостаточно полно. Особый интерес вызывают образы крымских татар в творчестве писателей конца 19 – начала 20 веков: А. Куприна, И. Бунина, В. Короленко, И. Шмелёва, которые также не были предметом специального научного исследования в рамках концепции *крымского текста*, чем определяются **актуальность и новизна** темы данной статьи.

Цель работы – определить принцип изображения персонажей – крымских татар в произведениях, изданных в начале 20 века.

Поставленная цель предусматривает решение следующих задач:

1. охарактеризовать образы крымских татар в произведениях указанных авторов в рамках оппозиции *своё-чужое*;
2. выявить изобразительно-выразительные средства языка, способствующие актуализации *крымского текста* в художественном пространстве произведений названных писателей.

Объекты исследования: рассказы И. Бунина «Темир-Аксак-Хан», А. Куприна «В Крыму (Меджид)», В. Короленко «В Крыму», литературная сказка И. Шмелёва «Голос Зари».

В русской прозе начала 20 века Крым предстает преимущественно как нарядный, экзотический курорт. Кроме природных достопримечательностей, полуостров привлекал писателей своим восточным колоритом, культурой крымских татар, которые воспринимались большинством писателей как любопытный этнографический материал [14, 213].

Даже в письмах к друзьям писатели упоминали крымских татар, как элемент природы полуострова. Так, А. Куприн восторженно описывал свою жизнь в Ялте: «горы, море, кипарисы, розы, тополя, татары — красоты неописанные и в таком количестве, что охлебаешься...» [8, 120]. Однако не все писатели воспринимали крымских татар отстранённо. И. С. Шмелёв в одном из писем к О. Бредиус-Субботиной писал том, что он хотел «пережить Крым через призму таких глобальных явлений, как 12-томная энциклопедия Крыма, история крымских татар и т. д». «...Чтобы писать это, я проглядел десяток томов «Энциклопедии Крыма», изучал Коран и татарский фольклор. <...> Мало было видеть Крым: я прочитал 12-томную Энциклопедию Крыма (все о нем и татарах)» [11, 126].

В анализируемых произведениях татарский мир раскрывается в рамках оппозиции *своё-чужое*. Средствами выражения этой оппозиции в художественном произведении являются определённые поэтологические категории. Чаще всего *чужой* мир представляется системой персонажей на фоне экзотической природы, а также различными языковыми средствами.

Важным аспектом изображения того или иного народа, общества является описание его фенотипа, истории, культуры, в том числе быта, природно-географических условий, в которых он сформировался. В анализируемых произведениях имеется некоторая фоновая информация о видах традиционной деятельности крымских татар – овцеводство, виноградарство (*Глели только кривые корни виноградных чубуков, плохо освещая темноту шалаша* [6, 140]), проводничество (*На набережной, около часовни, было у проводников нечто вроде биржи* [7]). Крымские татары служили у дворян и содержали кофейни (*женственно полный, миловидный татарин, содержатель кофейни* [5, 192]).

Галерея образов в анализируемых произведениях представлена нищим певцом, содержателем деревенской кофейни, хаджи [5], Меджидом и Меметом и другими проводниками, невестой Меджида [7], стариком Али и его сыном Аметом [13], владельцем виноградников Алием и крымским чабаном [7], торговцами на базаре [7] и др.

Загорелыми, смуглыми, словно обугленными палящим крымским солнцем, с миндалевидными чёрными глазами, высокими, седобородыми в халатах и чалмах изображены крымские татары в произведениях названных писателей. Как известно, портрет является способом авторской оценки персонажа и дает широкие возможности для характеристики не только внешности, но и внутреннего мира персонажа.

Настоящую ярмарку мужской красоты изобразил А. Куприн в своём неоконченном рассказе «В Крыму (Меджид)». Прекрасные фигуры, «безукоризненно правильные очертания бровей, носов и губ, чёрные усы, горячие южные глаза» молодых проводников-татар в сочетании с щеголеватыми нарядами (синие тесные, короткие куртки, рейтузы в обтяжку и тонкие лакированные сапоги) не оставляли равнодушными представительниц дворянского и купеческого сословий, приезжавших в Крым на отдых. В местной татарской среде проводники считались привилегированными людьми: они чаще и теснее других общались с русской аристократией и были ближе к европейской цивилизации.

Своеобразие внешности персонажей – крымских татар, их восточный фенотип можно расценить как актуализацию концепта *чужое*.

Одним из факторов, подтверждающих *чуждость* крымских татар автору или повествователю, является их речь, типичная для местного населения Крыма начала 20 века, которое в большинстве своём не владело русским языком. Для неё характерно искажение русских слов и словоформ, что обусловлено спецификой фонетической и грамматической систем русского и крымскотатарского языков [13, 213]: *Урус пецера гонял... Ашай нету, вода нету... Всё кончал...* [6, 137]. Часто искажаются фонетические формы слов: *урус*, *рус* (русский), *ашай* (ашайт – еда), *алекум-селям* (алеёкум селям). В репликах персонажей – крымских татар часто отсутствуют предлоги, так как различные падежные значения в крымскотатарском языке могут выражаться синтетически, в пределах словоформы. В целом синтаксис речи персонажей – крымских татар представлен нераспространёнными односоставными предложениями, слова в них повторяются, что еще раз подтверждает слабое владение ими русским языком: *Долго ходит: один час ходит, одно ведро несет* [6, 139].

Крымскотатарский мир эксплицируется фоновыми знаниями о местном населении полуострова. Такие особенности крымскотатарской культуры, как почитание мужчин (*мужской труд – священное дело* [7]); выбор спутника жизни (*она была уже с трех лет его невестой, и родители их дожидались, пока он не скопит достаточно денег для свадьбы* [7]); а также фольклор (легенда о пещере Бин баш коба [6]) актуализируют концепт *чужое*.

Чужой мир отражен также в ономастиконе (совокупности собственных имен): это ороним *Чатырдаг*, ойконим *Биюк-Ламбат*, антропонимы – *Меджид*, *Биби*, *Али*, *Амет*, *Темир-Аксак-Хан*, *Мемет* т.д. ороним ойконим

В целом писатели изображают крымских татар как дикий, малограмотный народ: *Этот пастух сидел на камне, сшивая куски овчины, и пел горловым голосом какую-то дикую, маловнятную (выделено мной. – А.А.) песню* [6, 138].

Слова из крымскотатарского языка, в том числе и религиозная лексика, использованы писателями для демонстрации крымской экзотики: *калым* 'выкуп, вносимый женихом родителям невесты у крымских татар', *чубук* 'виноградный черенок, используемый для посадки', *чабан* 'пастух овец', *селям* 'здравствуйте', *фес* 'крымскотатарский женский головной убор' и др. Особняком в литературе исследуемого периода стоит сказка И. Шмелёва «Голос Зари», в которой запечатлены красота души и следование религиозным принципам ислама персонажей – крымских татар. В ней в отличие от предыдущих произведений, более актуализирован концепт *своё*. Главный герой сказки И. Шмелёва «Голос Зари» – старейший татарин Али, который противостоит надвигающемуся голоду, следуя слову пророка: «*Пусть помутились все, лишь бы осталась одна живая душа, – и сохранится огонь в светильнике*» [13, 194]. Старик продает всё своё имущество, закупает зерно, строит пекарню и продает хлеб за полцены нищим в соответствии с заповедью Корана о том, что нужно накормить в голодный день «приникшего к земле бедняка». Расположение автора к описываемым персонажам доказывает использование в тексте сказки крымскотатарских пословиц, но не на языке оригинала, а дословно переведенных на русский язык: *тяни ноги по одеялу* (ср. с крымскотат. ёргъанына коре аякъларыны узатмагъаннынъ аякълары тышта къальыр); *падает орех, когда поспеет* (ср. с крымскотат. пишкен джевиз терегинден тюшер); *под одной мышкой двух арбузов не удержишь* (ср. с крымскотат. эки къарпыз бир къолтукъкъа сыгъмаз).

По мнению исследователя творчества И. Шмелёва, писатель попытался в этом произведении выразить «духовное существо» другой религии, другой культуры, следуя мысли известного русского философа Владимира Соловьев о том, что христианство прошло путь от непримиримости к мусульманству к признанию его [4, 190].

Симпатии Шмелёва к татарам и желание найти общее между двумя господствующими в Крыму религиями – исламом и христианством – объясняются его увлечением культурой местного населения, знакомством и общением с татарами.

В целом в восприятии и изображении Крыма и его коренного населения авторами анализируемых произведений более актуализирован концепт *чужое*. Для большинства писателей и их героев второстепенные персонажи – крымские татары представлены в качестве элемента крымской природной экзотики. Исключение составляет сказка И. Шмелёва «Голос Зари», в которой ощущается особое расположение автора к своим героям.

Источники и литература:

1. Аблаева А. Т. Крымскотатарский мир в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы» (имагологический аспект) / А. Т. Аблаева // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2012, № 221. – С. 169 – 171.
2. Аблаева А. Т. Крымский текст в русской литературе начала XX века в имагологическом аспекте (на материале произведений И. С. Шмелева и В. Г. Короленко) / А. Т. Аблаева // VI Международные Севастопольские Кирилло-Методиевские чтения. Сборник научных статей. – Севастополь : Гип пак, 2012. – С. 148 – 156.
3. Аблаева А. Т. *Свое* и *чужое* в «крымском тексте» В. Г. Короленко (на материале рассказа «В Крыму») / А. Т. Аблаева // Вопросы русской литературы : Межвузовский научный сборник. Вып. 22 (79). – Симферополь : «Крымский Архив», 2012. – С. 30–36.
4. Богоявленская И. М. «И сохранится огонь в светильнике». Сказка И. Шмелева «Голос зари» / И. М. Богоявленская // Крымский архив. Симферополь, 1999. – № 4. – С. 189 – 191.
5. Бунин И. А. Темир-Аксак-Хан / И. А. Бунин // Собр. соч. в 12 т. – М. : Художественный литература, 1988. – Т. 4. – 703 с.
6. Короленко В. Г. Собрание сочинений в 5 т. [сост. Б. В. Аверин]. – М. : ГИХЛ. – Т.3. – 685 с.
7. Куприн А. И. В Крыму (Меджид) / А. И. Куприн [Электронный ресурс] режим доступа : http://liv.piramidin.com/belas/Kuprin/w_krymu.htm
8. Кунцевская Г. Н. Благословенная Таврида. Крым глазами великих русских писателей / Г. Н. Кунцевская. – Симферополь : Таврия, 2007. – 392 с.
9. Курьянова В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого [Текст] : дис...канд. филолог.наук : 10.01.02. / В. В. Курьянова. – Симферополь, 2013. – 242 с.
10. Люсий А. П. Наследие Крыма : геософия, текстуальность, идентичность / А. П. Люсий. – М. : Русский импульс, 2007. – 240 с.
11. Наривская В. Д., Степанова А. А. Реанимация крымского текста в романе в письмах И. С. Шмелёва и О. А. Бредиус-Субботиной / В. Д. Наривская, А. А. Степанова // Вестник Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля, 2013. – № 2. – С. 125 – 133.
12. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусства, 2003. – 617 с.
13. Шмелёв И. С. Голос зари / И. С. Шмелёв // Крымский архив. Симферополь, 1999. – № 4. – С. 191–194
14. Эмирова А. М. «Солнце мертвых : крымскотатарская тема в творчестве И. С. Шмелёва» / А. М. Эмирова // «Брега Тавриды». – Симферополь, 1995. – № 4–5. – С. 213 – 215.